

С. А. Есенин и П. П. Хузангай

Велико значение русской литературы в становлении и развитии творчества чувашского народного поэта Педера Хузангая. Русская литература способствовала наиболее полному раскрытию его лирического дарования, его гражданских чувств, формированию певца народной судьбы. Одним из замечательных имен русской литературы, составивших этап в творческой биографии чувашского поэта, был Сергей Есенин.

Как выдающийся лирик начала XX века, С. Есенин оказал большое влияние не только на своих русских современников, но и поэтов народов СССР, в том числе и на тех, кто получил письменность незадолго до Октябрьской революции. Поэзия С. Есенина, кроме лирически взволнованного воспевания Родины и изображения высоких душевных движений человека, содержала интернациональные мотивы. Он не отрывал себя, русского поэта, от других народов, населяющих великую Русь. Воспевая родные просторы, красоту полей и лугов, пахнущих «ромашкой и медом», он восклицал:

Край мой! Любимая Русь, и Мордва!
Притчею мглы ты, как прежде, жива.

Ощущая чувство общности, близости своей судьбы к судьбе других народов в грозные и тревожные дни 1917 года, поэт заявлял:

Все равно, литвин я иль чувашин,
Крест мой как у всех.

В стихотворении «Поэтам Грузии» он называет себя «северным другом и братом» грузинских поэтов, прославляет единство и дружбу:

И каждый в племени своем,
Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк
По-своему поем,
Поддавшись чувствам
Человечьим...

Но более ощутимо интернациональные мотивы в поэзии С. Есенина выразились в воспевании им Родины, Советской России, в его стремлении «быть певцом и гражданином... в великих штатах СССР», в его желании «постигнуть в каждом миге коммуной вздыбленную Русь». Чувство родины, как главный пафос всей поэзии Есенина, наиболее ярко выражено в заключительных строках его стихотворения «Русь Советская»:

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,-
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Это чувство родины сближало С. Есенина с поэтами других народов, входивших в состав России.

В чувашскую литературу С. Есенин вошел в 20-х-годах и сразу стал кумиром молодых талантливых чувашских поэтов. Страстным поклонником поэзии Есенина был молодой Хузангай, уже первыми своими стихами обративший на себя внимание читателей. Знакомство П. Хузангая с поэзией С. Есенина относится к середине и второй половине 20-х годов, когда против поэзии русского поэта развернулась целая кампания, приведшая в конце концов к замалчиванию его имени. В поэзии Есенина Хузангаю импонировали воспроизведение с большим мастерством поэтических картин деревенской жизни, задушевный лиризм, в котором он улавливал родственные, близкие его душевному настрою нотки. Хузангай был очарован поэзией Есенина:

Хоть ты что мне говори, родимый, говори,
А Есенин, это точно, уж сведет с ума...

признавался он Г. Алендею, выражая свою страстную увлеченность творчеством русского поэта и желание равняться на него. Изящество формы, мелодичность, глубокий и мягкий лиризм и простота, непосредственное чувство истины в его поэзии подкупали молодого чувашского поэта. Кроме того, поэзия Есенина, полная обжигающих чувств, сердечной правды, искренней привязанности и любви к Родине, в особенности - к деревне, воспевающая дорогие сердцу каждого русского картины родной природы, была близка и дорога молодому Хузангаю, также глубоко любящему деревню, природу родного уголка. В поэзии Есенина Хузангай находил близкие его поэтическому миру мотивы. Все это сильно увлекало его и способствовало появлению в его творчестве целого ряда глубоко лиричных, интимно-задушевных, дотолем неизвестных в чувашской поэзии стихотворений, среди которых были и переложения, и самостоятельные.

С начала знакомства с поэзией С. Есенина и Н. Доронина стихи Хузангая приобретают ритмическую стройность и четкость. Он подражает Есенину в построении стихотворных строк, в выборе размера стиха. Все это помогает ему вполне овладеть классической силлабо-тоникой.

П. Хузангай был знаком со сборниками стихов С. Есенина «Москва кабацкая» и «Исповедь хулигана», вышедшими в период его близости с имажинистами. Не разобравшись в сложной путанице жизни, чувашский поэт не смог понять причин, вызвавших появление ряда ущербных произведений Есенина. В этот период своего ученичества П. Хузангай заимствовал не только внешнюю, формальную сторону его произведений (строфику, размеры, рифмы и т. д.), но и их идейно-тематическое содержание. Таковы, например, стихотворения П. Хузангая «Стригунок», «Собаке богача», «Не сиди печальной, не горюй», «Два письма». Некоторые из них даже сохранили названия есенинских стихотворений («Письмо матери», «Ответ»). В этих произведениях Хузангай пытается дать есенинскому сюжету иное направление, вложить в него иной смысл. Так, в стихотворении «Стригунок» П. Хузангай создает образ жеребенка, мчащегося рядом с поездом. Как и Есенин, Хузангай говорит о невозможности возврата к прошлому, но в произведении чувашского поэта нет той грусти по уходящему, которая звучит в стихотворении Есенина «Сорокоуст». Для Есенина «маленький жеребенок был... наглядным дорогим вымирающим образом деревни», выражением сомнения «в истинности предпринятой русским рабочим классом индустриализации деревни... Его страшит проникновение городской механической силы в деревню, потому что он видит в этой силе не спасение, а гибель деревни»

Противопоставляя стригунка мощному паровозу, Хузангай отдает предпочтение последнему, ибо ему принадлежит будущее:

Не знаешь разве ты, глупый
Четырехногий приятель мой,
Коней современных, стальных,
Никогда уж тебе не догнать.
(Подстрочный перевод).

Стремление вложить в есенинский сюжет новое содержание видно также в стихотворении «Собаке богача», являющемся переложением «Собаке Качалова» Есенина. В произведении Хузангая имеются строки, обличающие хозяина собаки, который держит верного стража его дома в черном теле:

Богат и знатен Михедер, хозяин твой,
И для гостей ширтана у него вдоволь.
Ты скажи ему и убеди,-
Пусть одинаково нас чествует он.
Богат и знатен Михедер, хозяин твой.

(Подстрочный перевод).

По тому же принципу написано стихотворение Хузангая «Не седи печальной, не горюй», напоминающее целым рядом выражений, а также формой стихотворение Есенина «Ты меня не любишь, не жалеешь». В отличие от сгоревшего в любовном угаре есенинского лирического героя, спокойно расстающегося со случайно встретившейся женщиной, в словах хузангаевского лирического героя звучат мотивы неразделенных чувств, осуждение национальных предрассудков любимой:

Как поищешь, друг мой, в тех стихах,

Ты узнаешь, кто любил тебя.

(Подстрочный перевод).

Однако несмотря на стремление Хузангая несколько изменить сюжет своих произведений, наделить лирического героя иными чувствами и настроениями, есенинские мотивы в его стихотворениях проступают весьма отчетливо. В 20-х годах они вызвали немало нападков на молодого поэта. Опубликованные в первом сборнике стихотворений под названием «После бури» («Уяртсан»), они никогда больше не печатались, не включались ни в один сборник поэта.

Поэзия С. Есенина послужила для Хузангая толчком, стимулом для создания стихов о событиях из его личной жизни, которые он облакал в формы есенинских строф и произведений. Поэтому в содержании его стихотворений, при всей их близости к есенинским произведениям, имелось свое, хузангаевское. Так, в стихотворении «Письмо к женщине» Есенин признается, что не все ему ясно в тогдашней жизни:

В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму -
Куда несет нас рок событий.

Если Есенин говорил о душевном кризисе человека в эпоху социальных перемен, то в стихотворении Хузангая «Два письма» социальная тема почти отсутствует. Главное в нем - мотивы неразделенной любви.

Упадочные настроения Есенина - это результат непрочной идейной позиции поэта, его связи с имажинистами, которые предпочитали стихи аполитичные, не связанные с революционным бытом. Есенину было тягостно в окружении имажинистов, он старался спастись от них в

поездках. Ненависть к их мещанскому быту и образу жизни породила у него такие строки в стихотворении «Ответ»:

Но эта пакость -
Хладная планета!
Ее и Солнцем-Лениным
Пока не растопить!
Вот потому
С больной душой поэта
Пошел скандалить я,
Озорничать и пить,

Но поэт признается, что он любит весну, которую он называет «революцией великой». Он полон надежд, что «время будет», что

Она придет, желанная пора!
Недаром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот - у пера.

В стихотворении П. Хузангая «Ответ» мотивы недовольства окружающими людьми не являются основными. Поэт, вчерашний деревенский парень, говорит о своей любви к деревне, к ее быту и национальным обычаям, с которыми ему приходится расставаться в связи с отъездом в город. Незнакомый быт и культура города пугают его и вызывают в душе тревожное чувство. Отсюда неприятие и незнание новой городской жизни. Если у Есенина это было выражением кризиса патриархального сознания, боязни того, что индустриализация деревни

погубит ее и связанные с нею его представления, все живое, милое и родное, то у Хузангая оно шло от литературы, от неосознанного восприятия антиурбанистических настроений Есенина и некоторых поэтов 20-х годов.

Есть в ранних стихотворениях Хузангая и любование собою, стремление противопоставить себя окружающим людям («Разбуди меня, мама, завтра рано», «Сестре», «Прости» и др.), которые появились под влиянием декадентско-кабацких мотивов стихотворений Есенина, вошедших в сборник «Москва кабацкая».

Увлеченный глубоко человеческой, честной и правдивой лирикой Есенина, отразившей кризис патриархального крестьянского сознания в годы ломки старых устоев, молодой Хузангай не всегда критически относился к слабым сторонам его поэзии. Как отмечал исследователь творчества Хузангая М. И. Фетисов, «начинающего чувашского поэта одинаково заворожила человечески волнующая лирика С. Есенина и все то сугубо индивидуальное, ущербное в ней, что тогда породило мутный поток есенинщины»

В произведениях Хузангая 20-х годов встречаются и перепевы есенинских мотивов, и увлечение его индивидуалистическими настроениями, что вызывало отрицательное отношение к стихам чувашского поэта со стороны критиков и литературной общественности Чувашии. Критики осуждали Хузангая за увлечение поэзией С. Есенина, воспринимая последнего чуждым советской действительности поэтом, а его влияние - пагубным для чувашской литературы. Конечно, против влияния упадочнических мотивов поэзии Есенина вызвавших пессимистические настроения среди части тогдашней молодежи, в том числе и чувашской, нужно было бороться. Но критика того времени не желала разбираться в причинах столь сложных противоречий в поэзии Есенина, отразившей, по словам К. Зелинского, «сложности перехода, от

древней, патриархальной Руси к веку грядущего коммунизма», и наряду с критикой слабых сторон его поэзии отрицала и все творчество поэта. Такое огульное охаивание творчества Есенина затрудняло раскрытие сути противоречий, истоков индивидуалистических настроений поэта.

По мере идейно-художественной зрелости П. Хузангая меняется его отношение к поэзии Есенина. Его интересуют теперь в творчестве поэта, прежде всего глубоко патриотичные и истинно гуманистические мотивы. Молодого поэта глубоко захватывает и интимно-задушевная, лиричная поэзия Есенина. Она вдохновляла его на создание интимной лирики, полной глубокой любви к человеку, к женщине, где уже чувствовалось свое, хузангаевское. Особенно это заметно в циклах стихотворений «Южные мотивы» и «Любимая». В них Хузангай стремится осмыслить судьбу своего народа, его пройденный путь. Поэт верит в прочность и нерушимость социалистического строя, призывает трудиться за новое будущее. Таковы, например, ставшие хрестоматийными стихотворения «Свободный кузнец», «Письмо», «Полевая песня» и другие, отличающиеся наличием фольклорных мотивов, обильным использованием образов и художественно-изобразительных средств народной поэзии (образы: «кемел сѣре» (колечко серебряное), «йес шӑнкрав» (медный колокольчик), «урхамахӑм» (аргамак мой); эпитеты: «сарӑ хѣре» (русоволосая девушка), «сем вӑрман» (дремучий лес), «чентерле кепер» (мост кружевной) и др.).

Из произведений Есенина последнего периода сильное влияние на Хузангая оказали «Персидские мотивы», в частности - картины восточного быта. Загадочное прошлое страны великих персидских поэтов Саади, Фирдоуси, Омара Хайяма, Хафиза, восточные красавицы, воспетые Есениным, вызвали у Хузангая непреодолимое желание самому побывать на незнакомом романтическом Востоке, который помог Есенину создать такие изумительно-прекрасные, полные гуманизма

стихи персидского цикла. И действительно, как признается сам Хузангай, «за мороженый «Персидскими мотивами» Есенина», он поехал в Среднюю Азию, чтобы «подышать воздухом Саади и Хафиза, Фирдоуси и Омара Хайяма», Хузангаю хотелось выведать секрет, который вдохновил Есенина на создание чудных, полных прелести, душевной теплоты и глубокой лиричности «Персидских мотивов». С этой целью он около двух лет (1926 - 1927 гг.) путешествовал по Средней Азии и Кавказу, знакомился с живущими там народами, бывал в Туркмении, Узбекистане, Азербайджане, Грузии. Во время этого путешествия 19-20-летний поэт в целях заработка средств для жизни подолгу останавливался в разных городах. Так, довольно продолжительное время он работал в Ашхабаде статистиком. Эта работа помогла ему познакомиться с жизнью и бытом, с нравами и обычаями, культурой и литературой народов Средней Азии.

Результатом поездки Хузангай явились циклы его стихотворений «Черная чадра», «Южные мотивы», поэма о двадцати шести бакинских комиссарах, созданные не только под влиянием Есенина, но и под впечатлением увиденного самим постом во время путешествия. В цикле «Черная чадра» Хузангай разрабатывает те же темы, что и Есенин. Большинство стихотворений поэта этого цикла представляет собой обращение к восточной красавице, возможно, воображаемой. В ряде стихотворений лирический герой обращается к девушке-красавице Нааде, Хамаспьюр. Он хочет, чтобы его возлюбленная стала туркестанской Нарспи, а сам желает быть Сетнером. Тема любви к женщине в названном цикле раскрывается Хузангаем в духе Есенина. Любовь к восточной красавице у него неразрывно связана с чувством любви к Родине, к студенному Северу. Восточная красавица, ее наряды напоминают лирическому герою об изящных и дорогих его сердцу нарядах чувашских девушек; романтическая природа Востока, его

экзотика напоминает ему о родном холодном Севере, зимней природе милого края, о далекой Волге.

Стихи, в которых разрабатывается тема любви, полны сердечной теплоты, одухотворены чистой, романтической любовью лирического героя к женщине.

Второй важной темой цикла, как и у Есенина, является тема раскрепощения восточной женщины, с бесправным положением которой Хузангай, будучи в Средней Азии, хорошо был знаком.

Восторгаясь Персией, С. Есенин не мог остаться равнодушным к некоторым нравам и обычаям этой страны, особенно к бесправному положению женщины. Он писал:

Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой...
(«Свет вечерний шафранного края»).

Диким восточным обычаям, унижающим достоинство женщины, поэт противопоставляет свободу русских женщин и искренность отношений, на своей Родине, поэтому он с гордостью заявляет:

Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,..
(«Улеглась моя былая рана»).

Как отмечает В. Белоусов, «стихотворение «Улеглась моя былая рана»... затрагивает тему раскрепощения восточной женщины, очень близкую современникам.

В те годы периодическая печать Закавказья неизменно уделяла большое внимание борьбе с унижительными для достоинства человека обычаями. В первом же стихотворении, написанном в Тифлисе и

ставшем началом цикла, Есенин избрал отнюдь не мотив персидской лирики X-XV веков, а актуальнейшую тему из жизни Советского Закавказья, раскрепощение восточной женщины. Тема черной чадры не тревожила персидских классиков. Есенин не смог бы ее позаимствовать у них. В «Персидских мотивах» эта тема появится и во втором стихотворении, пройдет и через другие стихи цикла». Проблема раскрепощения восточной женщины в стихах Хузангая поставлена острее, чем у Есенина. Поэт в нескольких стихотворениях обращается к ней («Последний час я с тобой», «На небосклоне много звезд», «Аргамак мой...», «Ты скажи мне, караванщик», «Отчего сегодня Копет-Даг не весел» и др.), осуждает восточный деспотизм, попрание прав женщины, обычай продавать девушек за калым, наличие гаремов и т. д. Обращаясь к женщине, в которой он видел не рабыню, а равного себе человека, лирический герой Хузангая призывает ее сбросить черную паранджу, не доверяться корану и весело принимать земные радости:

Много было жен у Магомеда,
Он придумал чадру-паранджу.
Но сегодня ты не подчиняйся ей,
И корану больше ты не верь.
(«Отчего, любимая, вздыхаешь»,
Подстрочный перевод).

Мыслями своими Хузангай уходит за границу, в Персию, на родину «несчастливых и бедных» Саади и Фирдоуси, искавших правду на земле («Отчего сегодня Копет-Даг невесел»), но поэт не прельщается воспетая поэтами (в том числе и Есениным) прекрасная Персия. Он увидел там несчастных маленьких людей; ему, как и Есенину, не по душе черная чадра, ибо она «горе для поэта», певца свободы и любви, поэтому он отказывается следовать за караванщиком в Персию («Ты скажи мне,

караванщик»). Но поэт выражает уверенность, что черная чадра спадет с головы персиянки.

В цикле «Черная чадра» Хузангаем разрабатывается также и тема дружбы между народами. Поэт выражает веру в духовное слияние народов. В стихотворении «Как мосаласа кипящий сок»... он пишет:

День придет: сольются все народы,
А пока что каждый сам по себе...
(Подстрочный перевод).

Близость цикла «Черная чадра» П. Хузангая к «Персидским мотивам» С. Есенина проявляется не только в общности разрабатываемых проблем, но и в перекличке однотипных героев, места действия. В стихотворении «Не доехал я до Хорассана» Хузангай писал:

Не доехал я до Хорассана,
Не входил в чудесный я Шираз,
Шаганэ меня не любила,
Как она любила парня русого.
(Подстрочный перевод).

В стихотворениях Хузангая встречаются имена Шаганэ, Лала, Саади, Фирдоуси, названия городов Хорассан, Шираз и др., с которыми мы встречались в «Персидских мотивах» С. Есенина.

Вдохновляясь лирическими шедеврами «Персидских мотивов», Хузангай, как и раньше, заимствовал их ритмику, своеобразное построение строк с повторением первой и пятой строк, систему рифмовки, когда рифмуется первая строка с 3-й и 4-й, а вторая - с 5-й и повторяются 1-я и 4-я строки, словом, заимствовал поэтическую технику русского поэта. Например, у Есенина:

В Хорассане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хорассане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

Важной вехой в творчестве П. Хузангая 20-х годов является поэма «Двадцать шесть». Толчком для создания поэмы послужили «Баллада о двадцати шести» С. Есенина и произведения других советских поэтов о расстрелянных бакинских комиссарах, а также впечатления самого поэта от пребывания в Баку и в тех местах, где разыгралась кровавая трагедия 1918 года. То спокойным повествованием, то гневно взволнованным лиризмом ведется рассказ об этом событии в произведениях С. Есенина и П. Хузангая. Периодическое повторение выражения (рефрен) «двадцать шесть их было, двадцать шесть» у обоих поэтов придает повествованию торжественно-трагический тон. Однако поэма Хузангая сличается от баллады С. Есенина. Если Есенин восторгался героическим подвигом бакинских комиссаров и скорбел по поводу их трагической участи, то Хузангай этим не ограничивается. Описывая события и происки английских интервентов и эсеров, он полнее показывает конфликт между империалистами и Бакинским Совнаркомом, пытается раскрыть сложные перипетии борьбы, бичует виновников гибели лучших людей Баку. Как баллада Есенина, так и поэма Хузангая оптимистичны, в них ясно выражена вера поэтов в бессмертие комиссаров, дело которых в мощных руках рабочего класса. Поэма свидетельствовала об укреплении связи Хузангая с жизнью, с социалистическим строительством, о том, что он стал на путь преодоления индивидуалистических, грустных мотивов, имевших место в некоторых его ранних стихотворениях.

П. Хузангай до последних дней своей жизни говорил о благотворном влиянии Сергея Есенина на его творческий рост. В поэме «У Сергея Есенина» (1968), написанной под впечатлением посещения родины поэта - села Константиново, чувашский поэт выражал сожаление, что ему не довелось лично встретиться с русским собратом по перу. А для встречи, как он считал, у него были все основания, это: общность взглядов на деревню, на народ, любовь к Родине, страстное преклонение перед поэзией Есенина, властное ее влияние в начале творческого пути. В последних строках своей последней поэмы П. Хузангай писал:

И припоминаю я теперь:
Первый изо всех живущих
Ты, Есенин, задел мое сердце,
Тебе поклоняюсь. Всегда.

(Подстрочный перевод).

Приобщение Хузангая к поэзии Есенина, несомненно, обогатило творчество чувашского поэта, вооружило его искусством выражения тончайших оттенков лирического переживания, углубило чувство Родины, сделало его лирику глубоко человеческой, способствовало овладению психологической правдой. Таким образом, поэзия Есенина явилась мощным толчком в развитии реализма в творчестве Хузангая, а через него - и во всей чувашской поэзии.